

УДК 82-821

DOI 10.22455/2541-7894-2018-4-316-322

Александра ЗИНОВЬЕВА

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА:
С РУССКИМИ УОЛЛЕСОМ СТИВЕНСОМ
И СИЛЬВИЕЙ ПЛАТ

(*Стивенс, Уоллес*. Фисгармония: пер. с англ. / Изд. подг. Г.М. Кружков, Т.Д. Венедиктова, А.В. Швец. М.: Наука, 2017. 400 с.; *Плат, Сильвия*. Собрание стихотворений. В редакции Теда Хьюза: пер. с англ. (2008) / Изд. подг. В.П. Бетаки, Т.Д. Венедиктова, Е.В. Кассель. М.: Наука, 2017. 2-е изд. 416 с.)

UDC 82-821

DOI 10.22455/2541-7894-2018-4-316-322

Alexandra ZINOVIEVA

CHANGING THE POETICAL LANDSCAPE:
WITH RUSSIAN WALLACE STEVENS AND SYLVIA PLATH

(Stevens, Wallace. *Fisgarmonia [Harmonium]*, ed., transl. G.M. Kruzhkov, eds. T.D. Venediktova, A.V. Shvets, Moscow: Nauka Publ., 2017. 400 p. (In Russ.); Plat, Sylvia. *Sobranie stihotvoreny. V redakzii Teda Hughes'a [Poetry. Edited by Ted Hughes]* (2008), eds. V.P. Betaki, T.D. Venediktova, E.V. Kassel. Moscow: Nauka Publ., 2017. 2nd ed. 416 p. (In Russ.)

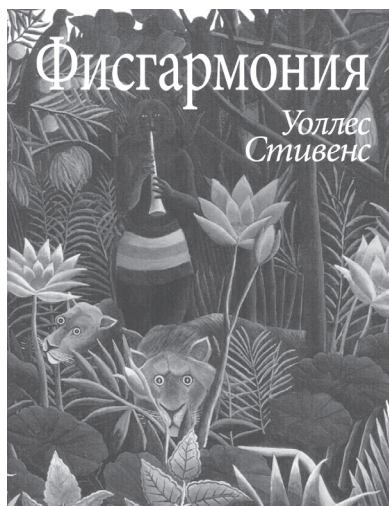
© 2018 Александра Юрьевна Зиновьева (кандидат филол. наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова) zarubezh@philol.msu.ru

© 2018 Alexandra Yu. Zinovieva (Ph.D., Associate Professor at M.V. Lomonosov Moscow State University) zarubezh@philol.msu.ru

Пересоздание большого поэта на новом для него языке всегда, помимо узнавания его чужой, неожиданно (или предсказуемо) расширившейся читательской аудиторией, предполагает некоторое, поначалу может быть и не вполне осязуемое, переустройство поэтической дикции, поэтического словаря и поэтических приемов «принимавшей» национальной традиции: что-то неуловимо меняется в представлениях о том, что способен вместить лирический способ выражения, «лучшие слова в лучшем порядке» начинают отбрасывать невиданные тени, и общие очертания вроде бы знакомых окрестностей вдруг ищут топографа, имени которого мы, скорее все-

го, еще не знаем, – отважное культуртрегерское переводческое предприятие вполне может обернуться появлением поэта, которого оно даже не вдохновит, но создаст, если тот или иной том окажется в нужное время в подходящих руках. И наоборот – умолчание, пустота там, где должно было бы быть знакомое лицо, обедняет словесность даже не сегодня, а в неопределенном, никак еще себя не обнаружившем будущем.

Если говорить об американском поэтическом модернизме, то следует вспомнить, что отечественная словесность уже прожила значительный срок, например, с Т.С. Элиотом и Р. Фростом, но о серьезном переложении на русский язык поэзии Уоллеса Стивенса (1879-1955) речь не шла до 2000 г., когда собрание его стихотворений было впервые представлено по-русски Григорием Михайловичем Кружковым. Между тем, только со Стивенсом

можно почувствовать вкус отважного доморощенного американского поэтического философствования, бесстрашно, с невинностью шута или юродивого, приглядывающегося и к западной рациональной традиции, и к романтическим представлениям об откровении в искусстве, и к одновременно естествоиспытательски и в духе сказочного мифологизирования воспринимаемым природным стихиям, так что подвижный поэтический ум Николая Заболоцкого, все созданное обэриутами получает «подкрепление» из Нового Света:

Отметим: человек есть ум земли,
Ее начальствующий дух. Тем самым
Сократ улилок, капельмейстер груш,
Трибун и вождь. Но спросим: этот царь
Природы, полноумный педагог,
Владычит ли над морем?

(«Плавание комедианта (*Из записок Кристина*)»,
пер. Г. Кружкова)

Не существовала по-настоящему до 2000-х гг. в России и Сильвия Плат (1932-1963), чья мифология боли и страдания за время, прошедшее с кончины поэта, успела утвердиться в американской литературе, быть несколько раз по-разному «разоблаченной», оказаться критически воспринятой весьма радикальными социологически ориентированными культурными течениями (феминистские, гендерные исследования) и при всем том неизменно находить отклик у самого широкого читателя. Заслуга переложения поэтических произведений Плат на русский язык принадлежит Василию Павловичу Бетаки (1930-2013), впервые опубликовавшему свои «зрелые» переводы Плат в 1999-2001 гг. (в 2000 г. вышло двуязычное издание) и подарившему метафорам Плат дополнительную зрительную очевидность:

Даже тронутые рассветными лучом облака
Жмурятся, не стерпев невозможной
Яркости каждого цветка,

Жмурится даже санитарка в неотложной,
У которой алое сердце
Просвечивает сквозь халат..

(«Маки в октябре», пер. В. Бетаки)

Рецензируемые академические издания, вышедшие в серии «Литературные памятники» и разделенные почти десятилетием, – новый шаг в понимании Стивенса и Плат в России, связанный с созданием картины, конечно, не исчерпывающей, но в какой-то степени законченной: Стивенс представлен своей первой, самой, пожалуй, известной поэтической книгой «Фисгармония» (*Harmonium*, 1923) с обширными экскурсами в его более позднюю поэзию, Плат – собранием стихотворений, подготовленных к печати Тедом Хьюзом и снабженных его комментариями (они бережно переведены и перенесены в русское издание Еленой Вадимовной Кассель; в ее же переводах читательскому вниманию предлагаются предисловие Хьюза к стихам Плат 1980 г. и помещенные в дополнениях три эссе Плат).

Разворачивается и отдельный филологический сюжет, связанный с определенным творческим напряжением между романтическим прочтением поэтов (разумеется, многослойным, но в основе своей все-таки романтическим), угадывающимся в работе переводчиков, и исследовательским подходом к творчеству Стивенса и Плат, обнаруживающимся в сопроводительных статьях Татьяны Дмитриевны Венедиктовой, склонной видеть в стивенсовской поэзии не оскудение, но преобразование романтической лирической традиции, отчаянную организацию хаоса в опустошенном мире – литературе модернизма в целом свойственную, но категоричную в стивенсовском варианте – без «ностальгии по временам, когда миф воспринимался его творцами и пользователями неререфлексивно и в силу этого был великолепно неотличим от реальности» [Т.Д. Венедиктова «Аналитик воображения», с. 253 ук. изд.]. Осязаемая простота слова, согласно Т.Д. Венедиктовой, Стивенсу много дороже мнимо сакрального смысла, за ним возможно стоящего: «Поэзия понимаема им [Стивенсом. - А.З.] широко – как синекдоха творческой способности человека или, иначе говоря, свойственной ему страсти к упорядочиванию... Искусство, поэзия воспитывают в человеке... глубоко самоироничную... веру в вымышленное, – работают с мифами, освобождая их от тяжеловесного балласта бытийности... художественные фикции не претендуют ни на истинность, ни, соответственно, на властность» [Там же, с. 252, 254]. Сходных воззрений придерживаются, по большей мере, и составители примечаний к произведениям Стивенса (выполненных совместно с Г.М. Кружковым) – Л.В. Оборин (ему принадлежат и переводы включенных в издание стивенсовских статей) и А.В. Швец.

Плат в изображении Т.Д. Венедиктовой не столько «исповедуются» читателю, не столько создает трагический художнический узор

из фактов собственной биографии и случайных фрагментов внешнего мира, что подразумевало бы эксплуатацию более чем привычного метода символистской поэзии, сколько занимается сотворением иллюзии, участвует в маскараде, одновременно и переживая, и пародируя собственную человеческую и поэтическую историю: «Воскресение здесь – не чудо, производимое высшей волей (таковая в мире Плат отсутствует), а “перфоманс”, осуществляемый индивидуальным усилием, за счет “кошачьей”, природной живучести... или за счет искусства» [Т.Д. Венедиктова «Сильвия Плат: поэзия боли», с. 355 ук. изд.].

Между тем, для Г.М. Кружкова и В.П. Бетаки своего рода «святость» поэтического переживания, правда трагического образа выходят на первый план, разумеется, не заслоняя ни ироничности Стивенса, ни гротескности на грани самопародии Плат. Г.М. Кружков подчеркивает это во включенных в книгу в высшей степени примечательных «Заметках переводчика», открывающих разные этапы освоения им стивенсовской поэзии: «Ирония, эксцентрика Стивенса не могут скрыть от нас, как много в этих стихах тревоги, глубоко укорененного страха» [Г.М. Кружков «Заметки переводчика», с. 281 ук. изд.]. Автопортрет поэтического толкователя стивенсовских загадок и опознавателя его поэтических масок тоже предстает в романтическом свете, как бы провокационно это для кого-то не звучало: «Поэт-переводчик – тот, кто некоторым таинственным образом улавливает трепет стихотворения и воссоздает этот трепет в материале другого языка» [Там же, с. 297]. Поэт-последователь, поэт-перелагатель в этом смысле – как посвященный в исчезающее из виду братство – выглядит своеобразным двойником поэта-предшественника, в свой черед отделяющего себя от удаляющейся постепенно культуры *fin de siècle*: «На переломе времени поэт глядит назад, вослед уходящей эстетической эпохе, которую символизируют лебеди. Символизм ушел, нацарапав свое “кудрявое завещание”; закончилось время поэтических стай, наступило время одиночек... Под таким углом зрения виден один из главных мотивов Стивенса, который можно определить как *сопротивление диктату времени*. Что, конечно, связано с изменившимся статусом поэзии в изменившемся мире» [Г.М. Кружков «Заметки переводчика», с. 288; речь идет о стихотворении Стивенса «Инвектива против лебедей»]. Поэтому неудивительно, что, хотя в переводах Г.М. Кружкова с лабораторной точностью соблюдаются положенные дозы стивенсовского фарса и стивенсовской метафизики, метафизика (даже в случае герметичного, замкнутого на себе образа) звучит для русского слуха более вятно:

Прямы, как стрелы, скрепы между звезд,
Ночь – не качаемая ими колыбель,
Как нам твердят витии гибких волн
И строк. Она темнее и жесточе.

Когда душа достигнет простоты,
Нет ни луны, ни серебристых крон,
Ни ясно видимых предметов; зренье
Зрит только черную изнанку глаз.

(«Звезды над Таллапузой», пер. Г. Кружкова)

В книге Плат романтическая линия как, в некотором смысле, объяснение и «самообъяснение» перевода усматривается в биографическом очерке, посвященном Плат, написанном Е.В. Кассель (ей же принадлежат и комментарии к стихам), где особое место занимает возможность совмещения поэтических индивидуальностей Плат и ее переводчика: «Обычно переводы стихов, сделанные поэтами, хорошо получаются, когда поэту-переводчику удастся как-то сродниться с поэтом, которого он переводит, “пустить его” в собственное творчество. Чаше всего так бывает, когда в поэтике переводящего и переводимого есть какая-то зона пересечения. У Бетаки и Плат такую общую зону нетрудно увидеть. Поэтика их обоих в значительной степени построена на взаимоотношениях с пейзажем... В. Бетаки был сам поражен, когда прочитал стихотворение Плат “Финистер” через год после того, как написал стихотворение о том самом мысе Ра в Бретани – “Мадонна спасенных моряков”» [Е.В. Кассель «Сильвия Плат: жизнь и творчество», с. 343 ук. изд.].

Такой ландшафт – как место и узнавания другого, и одновременно самопознания – драгоценен в переводах В.П. Бетаки:

С весла ледяные планеты
Скатываются неизвестно куда...
Дух черноты и в нас, и в рыбах: и в этой
Коряге, которая прощается навсегда...

Между кувшинками
Распахиваются звезды.
Не ослеп ли ты

От свечения этих молчащих русалок,
Этих душ, изумленных нашествием темноты?
(«Через озеро», пер. В. Бетаки)

Таким образом, под обложкой обеих книг не то чтобы уживаются, но оказываются в неизбежном и напряженном диалоге как утверждение бесконечности поэтической романтической традиции, даже тогда, когда нащупать ее – известная смелость и немалый труд, и ее объективирование, перевод ее на язык современного гуманитарного знания, стремящегося, скорее, объяснить мощь иллюзии, чем в нее уверовать, – для читателя опыт драгоценный и плодотворный. Стивенс одновременно и цинически, и трогательно изобразил эту необходимейшую дублированность понимания в «рождественском» стихотворении из книги стихов «Части мира» (*Parts of a World*, 1942):

Строение вещей обнажено,
Мир делится примерно пополам:
Здесь человечья часть, а выше бог –
Воображенья нашего монах...

...Не ангелы, не толпы мертвецов –
Живые люди, но на небесах,
Смеются, радуются и поют
Во укрепленье тех, что здесь, внизу.

В суровой нашей тесноте земной
Что может разум предложить любви,
Помимо побрякушек и шутих
В ответ на эту девственную страсть?

(«Dezembrum», пер. Г. Кружкова)